

Д.В. Папин

Погребальный обряд Бобровского грунтового могильника и некоторые вопросы хронологии переходного времени от бронзы к железу на Верхней Оби*

В настоящее время на территории лесостепного Алтайского Приобья известно 12 грунтовых могильников (не менее 150 могил), откуда происходят материалы переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Памятники привязаны к обской пойме и располагаются на невысоких бобровых террасах либо на останцах коренного берега или на пойменных дюнах, являющихся остатками прируслового вала. Наиболее исследованным является комплекс могильников на Ближних Елбанах (БЕ). Там М.П. Грязновым было исследовано 87 погребений, отнесенных им к переходному времени, в пунктах БЕ-VII раскопано 63 могилы, БЕ-XII – 14 могил и БЕ-XIV – 10 [1, с. 57, 64, 66]. Вторым по значимости является Бобровский грунтовой могильник (БГМ), в разные годы здесь было вскрыто 58 могил. Его особенность заключается в том, что он монокультурен и, кроме того, отсюда получена единственная в Западной Сибири представительная антропологическая коллекция переходного времени [2; 3]. На других памятниках получены менее значительные серии: Кротовский Елбан – три погребения, Малый Гоньбинский Кордон 1/5 – семь, Красный Плакат-I – одно, Елунинский грунтовой могильник-III – одно, Охотничья Грива – два, Мыльниково-I – три.

В свое время именно особенности погребального обряда и инвентаря позволили М.П. Грязнову отнести поселение Ближние Елбаны-I и могильники Ближние Елбаны-VII, XII, XIV к большереченскому этапу одноименной культуры в рамках VII–VI вв. до н.э., куда, кроме вышеперечисленных объектов, были отнесены поселения Бобровка, Мыльниково и Томский могильник [1, с. 67–72]. Надо отметить, что автором публикации Томского могильника М.Н. Комаровой сразу была отмечена близость материалов погребений на Большом мысу и могильника Ближние Елбаны-VII, что могло свидетельствовать, по ее мнению, об их принадлежности населению одной этнической группы. Главными критериями такого сходства являются пластинчатые ножи, захоронение скорченно на правом боку головой на юго-запад и керамическая посуда [4, с. 46]. Так как в настоящее время Томский могильник, могильники Ближние Елбаны-VII, XII, XIV и

Бобровский грунтовой могильник представляют более 90% всей совокупности погребений переходного времени от бронзы к железу на Верхней Оби, то сравнение их основных показателей позволит выявить различия как культурного, так и хронологического порядка.

Ориентация умершего по сторонам является одной из основных характеристик погребального обряда. Так для комплекса могильников на Ближних Елбанах из 87 погребений направление юго-запад – юго-юго-запад является почти единственным, только два погребения в пункте БЕ-VII имеют северо-восточную ориентацию и два – южную. Комплекс переходного времени Томского могильника, так же как и Ближние Елбаны, характеризуется доминированием юго-западной направленности с отклонениями к югу [4, с. 38]. Это несколько отличается от материалов Бобровского грунтового могильника, здесь из 58 могил ориентация устанавливается следующим образом: юго-запад – 25 случаев, юго-восток – 14, юг – 8. Иная направленность зафиксирована только в трех случаях: в могиле №30 двое мужчин были уложены головой на север, еще в одном мужском погребении №33 было зафиксировано северо-западное направление и западное – в женском погребении №48.

Положение скелета в могиле также является важным признаком, как было уже сказано, в Томском могильнике умершего клали скорченно на правом боку [4, с. 38]. Для Бобровского грунтового могильника этот обряд зафиксирован в 42 случаях, для комплекса Ближние Елбаны – в 46. Положение на левом боку встречается гораздо реже: БГМ – 8, БЕ – 18. Случаи вытянуто на спине единичны (БГМ – 1, БЕ – 6). В основном поза устойчива, но встречаются, наряду с обычным положением, такие варианты: руки поднесены к лицу, а ноги подняты к животу – «сильно скорченное», стопы ног подняты к тазу, кисти рук находятся на поясе и т.д.

Как правило, в могиле хоронился один человек. В Бобровском грунтовой могильнике встречены три случая парных взрослых захоронений: два мужских и одно мужчины и женщины [2, с. 71]. В пункте БЕ-VII зафиксировано также три парных погребения: одна взрослая женская и в двух могилах похоронили взрослого и ребенка.

Безынвентарность погребений переходного времени является отличительной чертой по сравнению с предшествующими культурами эпохи поздней

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-00510а «Происхождение культур скифского круга на Верхней Оби») и РФФИ (проект № 07-06-00327а «Алтай в бронзовом веке (радиоуглеродная и археологическая датировка)»).

бронзы и последующих раннего железного века. Так, из 58 погребений Бобровского могильника в 19 инвентарь отсутствовал [2, с. 71], на комплексе некрополей Ближние Елбаны из 87 раскопанных могил 24 были безынвентарны [1, с. 84]. В обоих случаях это составляет не менее 30% от общего числа захоронений. В Бобровском могильнике встречено только 17 сосудов, причем в одной детской было поставлено два, на комплексе БЕ это соотношение еще меньше – из 87 захоронений керамика встречена только в 12.

В погребальных комплексах Алтайского Приобья керамика представлена сосудами трех типов. Первый – это слабопрофилированные плоскодонные горшки, второй тип – круглодонные сосуды с невысокой шейкой с прямым или слегка отогнутым венчиком, третий тип посуды, самый распространенный, – небольшие полусферические чашки-миски. Полусферические чашки-миски БЕ и БГМ, орнаментированные рядами косо поставленного штампа либо без орнамента, больше соответствуют отдельным находкам переходного комплекса Томского могильника и урочища Елбан [4, рис. 22.-50, 52]. Данный тип посуды известен не только на могильниках, но и встречается на поселениях, в частности, Н.Л. Членова считает, что полусферические чашки – хронологически диагностирующий показатель VIII–VII вв. до н.э. [5, с. 73].

Для данной работы важно отметить, что в материалах Бобровского грунтового могильника, и в меньшей степени Ближних Елбанов, встречаются сосуды второго типа [1, табл. XI.-16–19, 22; 2, рис. 8.-3, 9.-1–3, 7.-1; 6, рис. 1.-2, 4, 9]. Орнамент сосредоточен в верхней части сосуда, основными мотивами являются зигзаг, косые отпечатки штампа, реже треугольники, образованные ямками или иным штампом, в двух случаях зафиксировано использование крестового штампа. Геометризм в декоре погребальной посуды является отличительной чертой Бобровского могильника, а на комплексе Ближние Елбаны фиксируются ряды косо поставленного штампа. Эта особенность посуды Бобровского грунтового могильника находит полные аналогии, прежде всего в материалах поселения Мыльниково, датируемого VIII–VII вв. до н.э. [7, рис. 34, 35]. В свое время М.П. Грязнов отмечал, что такой элемент орнамента, как зигзаг с усеченными углами, заключенный в поясок горизонтальных линий, указывает на связь с эпохой поздней бронзы [1, с. 71–72].

По всей видимости, неотъемлемой чертой мужского погребального инвентаря становится помещение в могилу бронзового ножа (БЕ-VII мог. 5, 10, 24, 28, 61, 63, 81, 93; БЕ-XII мог. 7; БЕ-XIV мог. 10, 11 36; БГМ мог. 25, 28, 32, 40), зачастую в могилу могло помещаться не целое изделие, а только часть клинка (БЕ-VII мог. 17, 19, 64, 75, 82, 92; БЕ-XII мог. 7). Как

правило, изделие размещалось в районе пояса, реже живота. Зафиксировано совместное нахождение оселка и ножа (БГМ мог. 25, БЕ-VII мог. 10). В ряде случаев были найдены небольшие фрагменты от лезвия ножа в районе черепа (БЕ-XIV мог. 35, БЕ-VII мог. 72; БГМ мог. 16, 41, 44), но в данном случае они интерпретируются как бронзовые нашивные бляшки головного убора [2, с. 84]. Особенно представительная коллекция бронзовых пластинчатых ножей была получена при раскопках Томского могильника (Комарова М.Н., 1952, рис. 20.-6, 11, 12, 20, 23; 21.-2, 9, 10, 16–19; 22.-10–12, 42, 43; 23).

Другой важнейшей чертой изменений стало помещение в качестве сопроводительного инвентаря умершего оружия. Ярким показателем является погребение №61 могильника Ближние Елбаны-VII. Здесь был найден бронзовый наконечник стрел вместе с набором костяных наконечников (колчаный набор?), лежащих пучком, остриями к ногам [1, с. 80]. Особый характер этого погребения подчеркивается бронзовым наконечником копья, находившимся перед лицом умершего, и бронзовым ножом на поясе. В другой могиле (БЕ-VII мог. 10) умершему мужчине также положили наконечник копья, а на поясе, кроме бронзового ножа, находилась трехлобчатая литая бляшка аржанского типа [1, с. 58]. Если в эпоху поздней бронзы находки ножей в мужских захоронениях не являлись редкостью, то оружия не было обнаружено. Наиболее близкую ситуацию демонстрирует переходный комплекс Томского могильника, здесь коллекция вооружения представлена более широко: наконечники копий и дротиков, клевцы, чеканы и кинжалы, но только совершенно отсутствуют наконечники стрел как костяные, так и бронзовые [4, рис. 17.-14, 15; 20.-2; 21.-2, 3, 8; 25.-9]. Кроме бронзовых изделий, в состав оружия вошли и костяные наконечники стрел. К колчанному набору можно отнести находку комплекта наконечников в могиле 108 могильника БЕ-VII и в могиле 34 Бобровского грунтового могильника, причем в последнем случае были положены наконечники разных типов и размеров [1, с. 63; 2, с. 72, рис. 5.-2–11]. На увеличение фактора военной конфронтации указывают погибшие от ранений, нанесенных бронзовыми наконечниками стрел (мог. 30 БГМ, мог. 11 БЕ-XIV), а также факт относительно часто встречающихся травматических повреждений [8, с. 106].

Таким образом, проведенное исследование показало, что по основным параметрам погребального обряда Бобровский грунтовой могильник, Томский могильник и комплекс некрополей Ближние Елбаны-VII, XII, XIV демонстрируют значительную близость. Данная схожесть отражает эпохальные черты переходного времени от бронзы к железу в западносибирской лесостепи и во многом обусловлена близкими процессами, приведшими к появлению этих памятников.

Если с периодом поздней бронзы связь выражается по многим параметрам: положение погребенного и его ориентация, сопроводительный инвентарь, орнаментация керамики, использование огня в могилах и т.д., то взаимосвязь с культурами раннего железного века прослеживается не так четко. В первую очередь, это такие наиболее общие признаки, как грунтовые захоронения, ориентация умершего в юго-западный сектор, отчасти размещение в могиле инвентаря (керамики, бронзовых ножей, наконечников стрел). Важное значение имеет расположение могил на поле некрополя. Так же, как и на рассмотренных нами Бобровском грунтовом могильнике и комплексе Ближние Елбаны, в староалейской культуре раннего железного века Алтайского Приобья ряды захоронений ориентированы по линии ЮЗ–СВ и СЗ–ЮВ. Кроме этого, в материалах могильников на Ближних Елбанах фиксируется возникновение новой погребальной практики – захоронение вытянуто на спине. Отнести их к рассматриваемому нами периоду позволяет погребение 11 БЕ–XIV, где у умершего в кость был воткнут бронзовый асимметрично-ромбический наконечник стрелы с шипом [1, с. 66, табл. XXI.-25]. Наибольшую связь элементов погребальной практики со староалейской традицией раннего железного века демонстрируют могильники БЕ-VII, XII, XIV, а с эпохой поздней бронзы – Бобровский грунтовый могильник [9, с. 16].

Наиболее устойчивая модель погребального обряда формируется в конце переходного периода и связана с памятниками БЕ-VII, XII, XIV. В Бобровском грунтовом могильнике существует культурная дифференциация признаков, здесь выделяются два комплекса, связанные с участием разного населения, условно обозначенного как ирменское и андронидное [10, с. 70–73]. С помощью методов многомерной статистики С.С. Тур и Я.В. Фроловым был проведен анализ погребальных памятников как переходного времени, так и большинства эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья. Результатом этого стал вывод о том, что погребальный обряд могильников переходного времени не является хронологической трансформацией ирменской традиции и отражает

воздействие андронидных культур. Но это влияние характерно не только для погребального обряда переходного времени, но и для некоторых могильников ирменской культуры [10, с. 73].

Рассматривая хронологическую позицию Бобровского грунтового могильника по отношению к могильникам Томскому, Ближние Елбаны-VII, XII, XIV, необходимо отметить следующее. Во-первых, в орнаментации погребальной посуды БГМ ярко выражены черты предшествующей эпохи поздней бронзы, во-вторых, по таким признакам, как ориентация умершего и его положение в могиле, этот некрополь демонстрирует определенную вариабельность погребального обряда, что может свидетельствовать о незавершенности процессов формирования новой традиции, в-третьих, в погребальном инвентаре практически отсутствуют предметы вооружения. Авторами публикации материалов Бобровского могильника на основе типологического анализа инвентаря была предложена датировка в рамках VIII–VII вв. до н.э., а скорее всего, VII в. до н.э. [2, с. 87]. На мой взгляд, ориентируясь на особенности погребального обряда рассматриваемого памятника, его можно удревить вплоть до VIII в. до н.э., так как наиболее близкие ему Томский могильник, Ближние Елбаны-VII, XII, XIV относят к VII–VI вв. до н.э. Не противоречат этому радиоуглеродные даты, полученные по костям человека из погребений Бобровского грунтового могильника. Для большей достоверности результатов одно из погребений (могила 40) анализировалось по двум пробам, результаты датирования совпали (2575 ± 65 и 2590 ± 65 л.н.), что подтверждает достоверность дат [11]. Если отбросить крайнее значение образца СОАН 6853 (могила 45), дата которого соответствует IV–III вв. до н.э., то для других пяти (СОАН 6848-6852) были получены даты, обобщенный калибровочный интервал для которых составляет 840–747 cal BC для 52% вероятности.

Таким образом, Бобровский грунтовый могильник является наиболее ранним погребальным памятником большереченской культурной традиции переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Библиографический список

1. Грязнов, М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / М.П. Грязнов // МИА. №48. – М.; Л., 1956.
2. Шамшин, А.Б. Бобровский грунтовый могильник / А.Б. Шамшин, Я.В. Фролов, Э.М. Медникова // Погребальный обряд древних племен Алтая – Барнаул, 1996.
3. Тур, С.С. Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (VIII–VII вв. до н.э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья / С.С. Тур // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – Вып. 7.
4. Комарова, М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири / М.Н. Комарова // МИА. – М., 1952. – №24.
5. Членова, Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири / Н.Л. Членова. – М., 1994.
6. Папин, Д.В. К материалам Бобровского грунтового могильника / Д.В. Папин, А.Б. Шамшин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1999. – Вып. X.

7. Папин, Д.В. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку / Д.В. Папин, А.Б. Шамшин : монография / под ред. Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул, 2005.

8. Тур, С.С. Основные результаты комплексного анализа материалов погребальных памятников Верхнего Приобья переходного от бронзы к железу времени в свете проблем происхождения большереченской культуры / С.С. Тур, Я.В. Фролов // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. – Барнаул, 2001.

9. Папин, Д.В. Культура населения лесостепного Алтайского Приобья в переходное время от эпохи брон-

зы к раннему железному веку / Д.В. Папин : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004.

10. Тур, С.С. О происхождении большереченской культуры Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII–VI вв. до н.э.) / С.С. Тур, Я.В. Фролов // Проблемы изучения древней и средневековой истории. – Барнаул, 2001.

11. Кирюшин, Ю.Ф. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая / Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, Д.В. Папин // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2007. – Вып. 3.